

Наш корреспондент встретился с Героем Социалистического Труда, лауреатом Ленинской премии, народным артистом СССР Сергеем Аполлинариевичем Герасимовым, который недавно завершил работу над большим художественным фильмом «Лев Толстой».

Сергей Герасимов:

ПУТЬ К ЛЬВУ

Корреспондент: Прежде всего хочется вас поздравить, Сергей Аполлинариевич, с присуждением вашему фильму «Лев Толстой» Главного приза на кинофестивале в Карловых Варах.

С. Герасимов: Спасибо. Вот он, на столе.

К.: Почему Толстой и почему сейчас?

Г.: Именно Толстой и именно сейчас. Потому что проблемы совести, самоусовершенствования встают нынче с особенной остротой. Это нашло отражение, например, в недавней школьной реформе, в стремлении как-то отрегулировать процессы воспитания в сторону большей гармонии. Ведь пока получило преобладание чисто техническое образование человека. В наш сложный век это необходимо, вероятно. Но обнаружился очевидный перекос. Когда читаешь «Комсомольскую правду» или приложение к ней — «Собеседник», где идет разговор с молодежью, то ведь оторопь иной раз берет. Сколько вопросов, уже давно решенных, возникает вновь! Спрашивают, нужно ли и что читать. Спрашивают русские люди, нужно ли читать книги и какие... И задают вопросы не дети, а юноши и девушки двадцати, двадцатидвухлетнего возраста. А не обойдемся ли? Времени и так не хватает.

Вот потому и Толстой. Надо утверждать традиции великой русской национальной культуры, утверждать основательно, не поспешно, не кое-как, и здесь Толстой — первейшая

фигура. Это проверено всем развитием нашей истории, знаменитыми статьями Ленина. Странно, удивительно, что до сих пор мы не сообразили об этом сказать, хотя поводов было достаточно за последние шестьдесят семь лет.

Образовался какой-то вакуум, и насущно потребовалось его заполнить. Стали появляться пьесы о Толстом. Но фильм — он обращен к несравненно большей аудитории. Бежать за него, я сознательно не смотрел и даже не читал, к примеру, пьесу Иона Друцэ. Пользовался лишь тем, что накопил сам в ходе долгой жизни, своих размышлений о Толстом, постоянного обращения к нему, к его прозе, публицистике, философии.

В нашей семье Толстой был кумиром. Семья неверующая, родители — революционеры. Икон не было, а висел на стене большой портрет Толстого, очень выразительный — пронзительные глаза из-под нависших бровей, лоб, осененный мыслью. С малых лет сложилось впечатление о нем, как о великане. Он и пугал меня, и восхищал. Вот отсюда, наверное, изначальное желание сблизиться с ним, понять его. А потом как продолжение желания: сблизиться с ним своих современников, особенно молодых, в меру отпущенных мне возможностей.

Хотел его сыграть — не пере-доверять роль другому актеру. Было очевидно, что любому исполнителю, пусть даже самому талантливому, не объяснить, чего от него хочу, чтоб получилось то, что хочу. Пре-

двиделось много длинных, утомляющих обих разговоров, а в результате — компромисс, и я вынужден буду принять его как должное, потому что я позвал этого человека, значит, и должен нести всю меру ответственности. Зная, что пластика в известной степени позволяет мне добиться сходства с Толстым, я со своими друзьями-гритмерами стал пробовать, ни с кем не делясь замыслом, помаленечку мы искали грим и постепенно нашли.

Попутно шла работа над сценарием. Сначала было чтение, вернее, перечитывание еще и еще раз всего, что было читано по толстовской теме за всю жизнь. Надо было в чем-то убедиться, что-то отметить, скажем, из предвзятых суждений о сложной семье — ведь движение времени вносит неизбежные коррективы.

К.: Сразу ли вы остановились именно на этом периоде — заключительном, завершающем земной путь Толстого, или у вас были?..

Г.: Были, были разные наметки. Ну, я думал, быть может, построю вещь вокруг его самых важных для меня произведений. И кое-что набрасывал. Из сочинений Толстого на первое место ставлю рассказ «Много ли человеку земли нужно» и «Власть тьмы» — совершенно грандиозные по идее, по мощи образов и нравственной цели произведения.

К.: Но вы, собственно, взяли этап, когда Толстой худо-

жественных произведений уже не создавал...

Г.: Да, здесь совершенно иной дорогой пошла мысль. Думал, вокруг «Власти тьмы», может быть, что-то сделать. (Рассказ «Много ли человеку земли нужно» — он как воспоминание сохранился в зачине фильма). Потом удалился от первоначального замысла. Как магнит, привлекла знаменитая московская перепись. Следовало понять, как произошел слом Толстого-романиста. Да он писал художественную прозу до конца дней, тут и «Воскресение», и «Хаджи-Мурат».

Но все толстоведы сходятся на том, что моментом такого слома было начало восьмидесятых годов, когда Лев Николаевич принимал участие в переписи и ужаснулся русской социальной трагедии, наиболее отчетливо прозвучавшей для него в условиях города. В деревне он пригляделся к патриархальной нищете, если можно так странно выразиться, которая, в общем-то, сама с собой способна была разобрататься путем христианизации. Вот я очень маленьким успел хватить дореволюционной России, лет в семь — девять, но все-таки это пора уже сознательная...

К.: Вы жили на Урале?

Г.: Да, там и деревня-то другая была. За уральскими казаками были большие надежды, и земля хорошо родила. Но жили неровно, там тоже попадались нищие люди. Крепкие казаки, дорожа своим особым сословием, определяли

как бы другую форму русской деревни. Но это был все-таки частный случай, и он не давал представления о предреволюционном крестьянстве.

Толстой, туляк, познал исконную русскую нищету на этих больших дорогах, которые тянулись от монастыря к монастырю, где брели калики перехожие. Он любил выходить, разговаривать. У меня задумана была такая сцена — не хватило метража, а очень казалось интересно...

Когда я решил совершенно твердо, что нужно брать «Так что же нам делать?» и московскую перепись, то стало понятно, как строится фильм о «зеркале русской революции». Выстраивалась история мудреца за выпавший ему жизненный срок постигшего все сложности бытия от семьи до размахов всеветных, чувствующего вековечный трагизм человеческого существования. Он ощущал этот трагизм всем своим существом и был способен говорить о нем всегда, даже в самом отвлеченном сочинении. Его терзала боль за людей, за несообразность, нелепость социальных порядков, что и позволило Владимиру Ильичу Ленину, естественно, отметить богоскандальские начала в философии Толстого, увидеть в нем прежде всего гениального художника. Да, это была глыба, человечнице, которому никого в целом мире нет ровень.

Время идет, но оно не властно над такими вершинами. Значение Толстого непреходящее.

Постепенно, видите, мы при-

шли к исходной позиции: потому — Толстой. Меня как человека старого очень заботит грядущее. Молодые живут, да и все тут! А в моем возрасте неизбывна дума: что же останется людям?.. И вот как нам, работающим в литературе и искусстве, как нам способствовать тому, чтобы огромному экономическому потенциалу страны были синхронны нравственные ее силы? И здесь, как никто, поможет Толстой. Говоря о непротравлении злу насильем, он попадал порой в курьезные положения, истово же ратуя за нравственное преобразование человека — никогда. Помните девушку Надю Таманскую, которая повстречалась ему на последнем его пути, кстати, лицо реально? Она цитирует своего брата, вспоминая слова о том, что пока, мол, ты будешь совершенствоваться, царь, генералы, жандармы и урядники всех умных людей перевешают и тебя в том числе, если поумнеешь. Толстому нечего ответить. Тут-то и коренилось противоречие...

К.: Сергей Аполлинариевич, ваш фильм, несомненно, очень точен в передаче примет времени, его духа, характера взаимоотношений людей. Распространялась ли эта тенденция на достижение сходства действующих лиц со всеми прототипами? Всегда ли вы к этому стремились или только в главных опорных точках?

Г.: Только в главных. Другому нельзя было — ведь такая масса людей. Но перед нами лежал журнал «Нива» 1908—1910 годов, как и мно-

гие иные свидетельства тех лет. Там портретированы не только каждый, кто находился вблизи Толстого, но порой и какой-нибудь случайный посетитель яснополянской усадьбы. Наш каталог, сохраняющий теперь на студии, представляет, смею думать, музейную ценность. В нем — сотни фотографий.

Но вернемся к вопросу о сходстве. Софья Андреевна и Тамара Федоровна настолько разные внешне, что мы и не стремились добиться похожести. На мой взгляд, однако, Макарова играет бесконечно достоверно. во всем совпадает с нашей трактовкой характера Софьи Андреевны.

К.: Мне кажется, психологическая точность достигнута.

Г.: В том-то и дело! У нас был такой уговор: мы будем реабилитировать Софью Андреевну, но не грубыми средствами. И Владимир Яковлевич Лакшин, главный консультант, и вся яснополянская команда во главе с Николаем Павловичем Пузиным, они все горой стояли, чтобы не очернять Софью Андреевну. А ведь было модно одно время валить на нее все грехи Толстого...

К.: Фильм густо населен. Не возникла ли проблема идентификации персонажей для зрителей? У меня сложилось впечатление, что зрители не всегда понимают, кто есть кто.

Г.: Ну, этого не может быть. Если человек не читал, то все равно не поймет. У меня есть такой давнишний способ, я ему всегда верен: никогда не надо в искусстве су-

етиться вокруг того, чтобы все абсолютно все поняли. В зрительном зале любого кинотеатра сидит огромное число очень разных людей, большинство из которых все-таки многовато не знает о той или иной действительности, воспроизведенной на экране, часто просто ничего не знает — не обязано знать. Порождает стремление узнать — вот задача. Чтобы возник импульс — надо об этом почитать, достать книгу. Книга — главная сила, как была, так и останется навсегда. Никогда ни телевидение, ни кинематограф ее не заменят.

Любопытно, что после того, как мы сделали «Красное и черное», сделали, кстати сказать, после хорошего французского фильма режиссера Клода Отан-Лара (но он легко все же обошелся со своим классиком — вместо великого Стендаля у него получилось что-то скорее из Лесажа, какой-то Жиль Блаз, но никто не стал сличать с первоисточником — просто смотрели, потому что была увлекательна сюжетная история). Мы стремились следовать автору и показали свой фильм по телевидению, после чего четыре тиража дали роману — такой был колоссальный на него спрос. Все хотели узнать, как оно в книге, и радовались точности. Множество писем я получил, больше, чем после любого другого моего фильма. В кино существует две тенденции: одна, идущая от пластических искусств, другая — от литературы. Они спорят между собою, иной раз находят

Соб. кувшица, 1984, 18авт, №99